

СОБЫТИЯ 19—21 августа 1991 года вызвали у Солженицына большие надежды. В письме к С. Говорухину он писал: "Поздравляю с великой Преображенской революцией!" 30 августа 1991 года Солженицын отправил письмо и Президенту России Борису Ельцину, в котором, в частности, писал: "Горжусь, что русские люди нашли в себе силу отбросить самый вцепивший и долготерпимый тоталитарный режим на Земле. Только теперь, а не шесть лет назад начинается подлинное освобождение и нашего народа и, по быстрому раскату, — окраинных республик".

Но Солженицын настоятельно советовал Ельцину добиваться права на перестройку границ с теми, кто не отделился от России. Россия не должна отдавать Украине не только Крым, но и обширный юг нынешней УССР (Новороссии), а также многие места левобережья Днепра, "которые никогда не относились к исторической Украине". Также несправедливо, по мнению Солженицына, была отдана большевиками Казахстану Южная Сибирь, а также уральские казачьи земли. "И еще срочное, Борис Николаевич! Крайне опасно сейчас поспешно принять для России какой-либо не вполне проясненный экономический проект, который в обмен на соблазнительно быстрые внешние субсидии потребует строгого подчинения программе давателей, лишив нас самостоятельности экономических решений, а затем и скучет многолетними неисчислимыми долгами".

Ельцин ответил Солженицыну, поблагодарив за внимание, но не затрагивая сути поднятых писателем вопросов. Эта переписка была опубликована только много лет спустя.

В сентябре 1991 года по предложению Ельцина Генеральная прокуратура СССР сняла все прежние обвинения с Солженицына, устранив тем самым юридические препятствия к его возвращению на Родину. Солженицын ответил в специальном заявлении для прессы, что он обязательно вернется в Россию. "Но прежде я должен, — говорилось в заявлении, — окончить на месте мои ранее начатые произведения. По возвращении в Россию сразу обступаю другие заботы, которые я и буду делить со всеми".

Зачное знакомство и телефонный разговор Ельцина и Солженицына состоялись в 1992 году во время первого официального визита Президента России в США. Сам Ельцин рассказал об этом через несколько месяцев — 16 июля 1992 года на встрече с группой главных редакторов в Кремле. В эти дни Ельцин перед визитом в Японию мучительно раздумывал о проблеме Курильских островов.

Вячеслав Костиков записал тогда слова Ельцина: "Мне предстоит визит в середине сентября. Я уже сам измучился и всех, кто к этому имеет отношение, измучил. Самые умные головы думают. Что мне — срывать визит, просто приехать и ничего не сказать, никакого шага ни туда ни сюда. Идти на отдачу этих островов тоже нельзя... Интересная позиция у Солженицына. Я, когда прилетел с официальным визитом в США, уже поздно вечером, первое мое действие — позвонить Солженицыну. Состоялся очень хороший разговор, минут 30—40. По многим проблемам говорили с ним. И вот Курилы. Я говорю: он изжил всю историю, начиная с XII века. Не наши эти острова. Отдайте. Но дорого!"

Ельцин, однако, не согласился с Солженицыным и в конце концов отказался от визита.

Солженицын сообщил своим читателям об этом разговоре с Ельциным еще позже — лишь в 1998 году. По свидетельству писателя, он просил Президента России не превеличивать в России угрозы фашизма и национализма, а также предложил свой план отделения Чечни от России и левобережья Терека от Чечни с одновременной высылкой криминальных чеченцев из России. Но Ельцин, как известно, и в этом вопросе не согласился с Солженицыным.

ВЕСНОЙ 1993 года посол России в США Владимир Лукин обратился к Солженицыну с письмом, попросив писателя дать оценку "сегодняшним российским дням". В это время расширялась и обострялась конфронтация между Президентом Ельциным и съездом народных депутатов России, и поддержка Солженицына казалась важной для команды Президента. В ответном письме Александра Исаевича говорилось: "За последние четырнадцать месяцев народ и вовсе повернут в нищету и в отчаяние. В такой момент особенно опасно пойти на лишние политические повороты. И прежде всего — утерять курс на полномочную власть Президента, избранного всенародно, стоящего вне партий и выше их. Российская Федерация при ее размерах и многообразии не может существовать без сильной президентской власти. Депутаты не смеют швырять народную судьбу в игральные корыстные гудосования. Как Президент с министрами не должны пренебрегать уже годичным стоном народа, что реформа ведется не так".

Именно такого ответа и ждал Лукин. Противостояние Президента и съезда привело, как известно, к кровавой развязке в октябре 1993 года. Но и в эти дни не только Мстислав Ростропович, но и Солженицын поддержал Ельцина, оправдывая как меньшее зло даже расстрел российского парламента из танковых пушек. "Нынешнее столкновение властей, — говорил Солженицын в своем интервью 21 октября 1993 года, — совершенно неизбежный и закономерный этап в нашем мучительном и долготерпимом пути освобождения от коммунизма". Солженицын критиковал не самого Ельцина, а команду, которую он выбрал, "чтобы делать ре-

форму". Эта команда "заворожена диктатом Международного валютного фонда и не мешает громадному разграбу национального достояния. Дремлет и бездействует также судебная власть".

Осенью 1993 года Солженицын прервал работу над эпопеей "Красное колесо" и начал готовиться к возвращению в Россию. Переговоры на этот счет вела жена писателя, которая несколько раз приезжала в Москву, не отказываясь и от коротких интервью. Речь шла не только о возвращении отобранной у семьи Солженицына московской квартиры, но и о покупке удобного дома где-нибудь на окраинах Москвы — такой дом был найден в громадном хозяйстве Управления делами Президента РФ. В декабре 1993 года Борис Ельцин позвонил в США Солженицыну, чтобы поздравить его с 75-летием. Солженицын в специальном письме к

Борису Ельцину был оповещен заранее о приезде Солженицына в Россию, а также о маршруте его предстоящей двухмесячной поездки через всю страну — с востока на запад. На митинге в центре Владивостока по случаю приезда писателя была зачитана приветственная телеграмма Ельцина Солженицыну. "У Президента глубокий интерес к личности и возвращению Солженицына, — заметил на одной из пресс-конференций В. Костиков, — это отношение определяется масштабом личности писателя, его талантом, его подлинно человеческой судьбой". Уже в июне 1994 года было объявлено, что между писателем и Президентом состоится встреча в Москве.

ВО ВСЕХ публичных выступлениях по дороге в Москву Солженицын не раз осуждал "реформы Гайдара и Чубайса", но избегал критических вы-

сказываний в адрес Ельцина. И тем не менее в их отношениях начало уже тогда возникать некое внутреннее напряжение, так как они занимали очень разные политические и нравственные позиции. В книге "Записки Президента", подписанной в печать еще в марте 1994 года, Ельцин писал с плохо скрываемым раздражением: "В интервью телекомпаниям "Останкино" Александр Солженицын задавал вопросы интервьюеру, зрителям, всему народу. Президенту: "Вы свою мать будете лечить шокковой терапией? Мать — Россия. Мы — ее дети. Лечить мать шокковой терапией действительно жестоко. Не по-сыновьям. Да, в каком-то смысле Россия — мать. Но в то же время Россия — это мы сами. Мы ее плоть и кровь, ее люди. Я себя шокковой терапией лечить буду и лечил не раз. Только так — на слом, на разрыв — порой человек продвигается вперед, вообще выживает". Логично в этом рассуждении нет или есть весьма странная логика, по которой все, что может быть хорошим для Ельцина, хорошо и для народа России.

В сентябре 1994 года на вопрос социологов: "Кто из перечисленных ниже политиков и общественных деятелей выражает ваше мнение и вашу позицию по основным вопросам жизни России?" — граждане страны чаще всего называли Григория Явлинского. На второе место в этом списке вышел Солженицын, опередив Ельцина, Зюганова, Жириновского и Черномырдина. В этом же году было много разговоров о необходимости досрочных президентских выборов. Назывались и разные кандидаты, в том числе и Солженицын. "Именно ему и только ему, — заявлял писатель и литературный критик Игорь Виноградов, — я сегодня готов был бы отдать свой голос на любых президентских выборах, если бы он только согласился послужить России на этом поприще". Такое же предложение высказывала и известная общественная деятельница Галина Старовойтова, подчеркнув, что только "Солженицын своим чутьем может помочь определить будущее страны, сформировав патристическую русскую идею в нешовинистических словах и выражениях". Своим кандидатом у Президента России называли Солженицына и многие беспартийные граждане. В Саратове. В редакционной статье газеты "Аргументы и факты" в августе 1994 года можно было прочесть: "Сейчас можно вполне спрогнозировать борьбу за симпатии россиян двух лидеров: Президента, избранного народом, и всемирно известного писателя, взявшего на себя роль заступника всех сирых и обездоленных."

была представлена отдельной фракцией в Государственной Думе, и все они придерживались разных версий "Русской идеи" и "Русского пути". Однако предложения Солженицына концепция истории России не встретила поддержки даже среди писателей и политиков русского направления, — она была слишком тенденциозной и радикальной. Вся российская история — от Петра Первого до наших дней — представлялась Солженицыну скопищем ошибок и упущенных возможностей. Главную критику писатель направлял не только против Ленина, но и против Петра Первого и Екатерины Второй, а среди генералов Великой Отечественной войны он особо выделил лишь генерала Власова, перешедшего на сторону фашистской Германии, а также тех солдат и командиров, которые пошли "против Сталина". Эта позиция имела своих сторонников среди

и народного самосознания". Отмечалось, что беседа была глубокой и личной, и на ней не было других участников, а тем более журналистов, и что Борис Ельцин остался доволен "как тональностью, так и содержанием разговора, который позволил выявить широкое поле взаимного понимания и взаимодействия".

Сам Солженицын нигде не комментировал свою встречу с Ельциным, но жена писателя отмечала в одном из интервью, что беседа писателя и Президента была взаимно уважительной и Ельцин внимательно выслушал соображения и вопросы Солженицына.

ЛИШЬ через несколько лет некоторые из подробностей этой встречи изложил в своей книге пресс-секретарь Президента Вячеслав Костиков. "Помню, — писал он, — как серьезно Президент готовился к встрече с вер-

ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

Рой МЕДВЕДЕВ

Поэт и царь. Ельцин и Солженицын

В 1989—1990 годах Александр Солженицын несколько раз весьма неодобрительно отзывался о Михаиле Горбачеве, но ничего не говорил о Борисе Ельцине. Документы демократической оппозиции, которые доходили до американского штата Вермонт, где жил и работал Солженицын, вызывали у него большие сомнения. Писатель уже десять лет работал над художественным отображением Февральской революции 1917 года, которую он считал главной российской катастрофой XX века, и он очень опасался повторения Февраля в политической истории России. Солженицын явно не жаловал либералов как в России, так и на Западе, полагая, что следование либеральным идеям — это путь самоослабления и капитуляции перед коммунизмом.

А. Солженицын — Б. Ельцину: "Мы беспечно притворяемся, будто у нас в России все дела идут в общем-то нормально, терпимо. Нет!"

Ельцину не только поблагодарил его за поздравления, но и предложил свою помощь и поддержку в борьбе с коррупцией и "безнаказанностью криминальных шаек", а также со всем колымским бед и язва, одолевавшим российское общество, включая и знаменитую приватизацию. Но это письмо Солженицына не было опубликовано в российской печати. Неудивительно, что Солженицын испытывал и некоторую тревогу. Он говорил в своих интервью западным газетам, что предвидит многие трудности для своей общественной деятельности в России, в том числе и со стороны властей, для которых он вряд ли будет желанным гостем. Тем не менее его решение неизменно.

Весной 1994 года скорое возвращение писателя в Россию уже не было секретом и для российской общественности, хотя почти никто не знал ни деталей, ни конкретных сроков этого важного для многих события. Некоторые из политических наблюдателей задавались вопросом: как сложатся отношения между самым знаменитым русским писателем, не раз говорившим, что "его пером водит Бог", и Президентом России Ельциным, который нередко называл себя "хозяином" России? Этот вопрос беспокоил и самого Ельцина. Известно, что он звонил весной 1994 года в Вермонт Солженицыну, однако содержание их разговора не стало предметом гласности.

В странах западной демократии крупных политиков мало заботит содержание романов и поэмы. У президентов США и Франции нет проблем со своими писателями, даже если они имеют мировую известность и резко критикуют американское или французское общество. Но в авторитарной России были другие традиции. Александр Радищев был сослан в Сибирь за книгу "Путешествие из Петербурга в Москву". "Он бунтовщик хуже Пугачева", — сказала императрица Екатерина Вторая, повелев заковать писателя в кандалы. Отношения между Пушкиным и Николаем I стали предметом не только разного рода очерков, но и популярного в конце 20-х годов фильма "Поэт и царь". Александр Герцен был трудной проблемой для Александра II. Александр III и Николай II всерьез помышляли о заточении в монастырь Льва Толстого, который также писал царям пространственные письма об "обустраивании России". Для Ленина и Сталина проблемой был Максим Горький, которого они всячески обаживали. Сам Солженицын, с презрением писавший о перерождении Горького, не раз говорил еще до возвращения в Россию, что он не собирается хвалить Ельцина ни в глаза, ни за глаза.

А. Солженицын: Президент Владимир Путин отлично понимает все неимоверные трудности — и внутренние, и внешние, которые достались ему в наследство и которые сегодня надо разгребать. Надо отметить чрезвычайную осмотристельность и взвешенность его решений и суждений. Вообще у него живой ум и быстрая сообразительность. У него никакой личной жажды власти, упоения властью, от пребывания во власти — этого совсем нет. Он действительно занят интересами дела напряженно, потому что сами задачи исключительно поразительны. Понимая летом пункт, который казался проходным: самоуправление есть фундамент нашего существования. Это не проходная фраза. Он действительно так

ГАЗЕТА, как мы видим, "гарантировала" Солженицыну даже более высокое положение, чем пост Президента, — положение неопрошеного духовного лидера страны, — ибо именно такая была позиция Хомейни в Иране и Дан Сяопина в Китае. Не слишком удачные выступления Солженицына на телевидении, которые начались с конца августа и проходили еженедельно по вечерам на ОРТ, а также мало кого задевшее выступление писателя в Государственной Думе существенно ослабили авторитет Солженицына. Не встретила сочувственного отклика и опубликованная им программная идеологическая работа "Русский вопрос к концу XX века", которую мы смогли прочесть в конце лета 1994 года. Русский национализм и без того не являлся сколько-нибудь влиятельной идеологической концепцией в российском обществе. В Российской Федерации имелось больше десятка националистических партий и групп, но ни одна из них не

дид части российской и украинской эмиграции, но она была совершенно неприемлемой для основной массы российского населения. Как раз в конце осени 1994 года, когда даже поклонники Солженицына испытывали чувства недоумения и разочарования, он получил приглашение в Кремль.

Встреча и беседа Солженицына и Ельцина состоялась 16 ноября 1994 года и продолжалась необычно долго — более четырех часов. В этот же день с утра Ельцин встретился и с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, который явно не благоволил Солженицыну, позволившему себе резкую критику высшей церковной иерархии как людей слабых и мало пекущихся о нуждах простого народа. Официальное сообщение о беседе Президента и писателя было очень скудным. Сообщалось только, что их беседа затронула "самые масштабные и острые проблемы жизни России и российского общества", а также "пути возрождения народной нравственности

нувшись в Россию писателем. Мы сделали для него несколько записок по этому поводу. Борис Николаевич явно нервноничал, видимо, не совсем понимая, "как себя поставить". К этому времени у него уже окрепла привычка вести разговор в тональности — "как Президент, я...". Но в данном случае так явно не годилось, и он чувствовал это. Его пытались настроить на вельможный лад. Ему говорили: "Ну что, Солженицын? Не классик же, не Лев Толстой. К тому же всем уже надоело. Ну пострадал от тоталитаризма, да, разбирается в истории. Да таких у нас тысячи! А вы, Борис Николаевич, — один." Но Ельцин избрал другой тон. Разговор прошел просто, очень откровенно, без сглаживания политических разногласий. Они проговорили четыре часа и даже выпили вместе водки."

В 1995 году какие-либо новые встречи Ельцина с Солженицыным стали невозможными, так как писатель подверг резкой критике нашедшуюся в декабре 1994 года во-

нужимся в Россию писателем. Мы сделали для него несколько записок по этому поводу. Борис Николаевич явно нервноничал, видимо, не совсем понимая, "как себя поставить". К этому времени у него уже окрепла привычка вести разговор в тональности — "как Президент, я...". Но в данном случае так явно не годилось, и он чувствовал это. Его пытались настроить на вельможный лад. Ему говорили: "Ну что, Солженицын? Не классик же, не Лев Толстой. К тому же всем уже надоело. Ну пострадал от тоталитаризма, да, разбирается в истории. Да таких у нас тысячи! А вы, Борис Николаевич, — один." Но Ельцин избрал другой тон. Разговор прошел просто, очень откровенно, без сглаживания политических разногласий. Они проговорили четыре часа и даже выпили вместе водки."

нужимся в Россию писателем. Мы сделали для него несколько записок по этому поводу. Борис Николаевич явно нервноничал, видимо, не совсем понимая, "как себя поставить". К этому времени у него уже окрепла привычка вести разговор в тональности — "как Президент, я...". Но в данном случае так явно не годилось, и он чувствовал это. Его пытались настроить на вельможный лад. Ему говорили: "Ну что, Солженицын? Не классик же, не Лев Толстой. К тому же всем уже надоело. Ну пострадал от тоталитаризма, да, разбирается в истории. Да таких у нас тысячи! А вы, Борис Николаевич, — один." Но Ельцин избрал другой тон. Разговор прошел просто, очень откровенно, без сглаживания политических разногласий. Они проговорили четыре часа и даже выпили вместе водки."

нужимся в Россию писателем. Мы сделали для него несколько записок по этому поводу. Борис Николаевич явно нервноничал, видимо, не совсем понимая, "как себя поставить". К этому времени у него уже окрепла привычка вести разговор в тональности — "как Президент, я...". Но в данном случае так явно не годилось, и он чувствовал это. Его пытались настроить на вельможный лад. Ему говорили: "Ну что, Солженицын? Не классик же, не Лев Толстой. К тому же всем уже надоело. Ну пострадал от тоталитаризма, да, разбирается в истории. Да таких у нас тысячи! А вы, Борис Николаевич, — один." Но Ельцин избрал другой тон. Разговор прошел просто, очень откровенно, без сглаживания политических разногласий. Они проговорили четыре часа и даже выпили вместе водки."

енную операцию в Чечне. "Открытие военных действий в Чечне, — публично заявил Солженицын, — это тяжелейшая политическая ошибка. В любом случае — и при успехе военных действий, и при неудаче — это принесет нам политический ущерб — и в отношениях с Кавказом, и с мусульманским миром вообще. Надо добавить к этому еще и наглядную военную бездарность. Ужасно, что эти военные действия были начаты. Этого нельзя было делать ни в коем случае".

Но Солженицын и теперь ничего не говорил о Ельцине, но лишь о "промахах Правительства и президентской команды". К тому же он повторил свой план отделения Чечни от России, но без левобережья Терека и "объяснения всех чеченцев на российской земле инородцами", которые должны либо получить визу и объяснить свою пользу России, либо покинуть нашу страну. Солженицын предложил также отозвать все российские войска из Таджикистана и изменить привилегированное положение, которое якобы имеют в России татары, якуты, башкиры, карелы и многие другие национальные меньшинства. "Россия никогда не была Федерацией, — заявил Солженицын, — все это искусственное ленинское изобретение". Все эти предложения были поверхностными и неприемлемыми для современного Российского государства, которое не является государством одного лишь русского народа и в котором национальная и государственная идеи не совпадают, но дополняют друг друга.

В 1995 году Россия вступила в очередной цикл выборов, и разговоры о выдвижении Солженицына на пост Президента возобновились, хотя и не так активно. Группа молодых политиков из разных партий призвала в самом начале года в своем Открытом письме: "Александр Исаевич! Помогите нам еще раз! Силам возрождения России нужен Ваш авторитет. То, чего Вы достигли в жизни, не достичь ни одному президенту. Ради России нашей, ради нас и наших детей Вы должны подумать о возможном согласии быть избранным на высшую должность в государстве".

В 1996 году, уже после начала избирательной кампании по выборам Президента, призыв к писателю — выдвинуть и его кандидатуру — обнародовал в нескольких газетах известный правозащитник Лев Тимофеев. Солженицын, как и следовало ожидать, не принял этих предложений и не стал их комментировать. На протяжении всей избирательной кампании он не критиковал Ельцина, но и не высказывался в его пользу. Перед вторым туром Солженицын не слишком внятно призвал все же избирателей голосовать сразу против двух кандидатов. Он продолжал критиковать многие аспекты внешней и внутренней политики России; но ни разу не высказался лично о Ельцине. В интервью газете "Аргументы и факты" на прямой вопрос: "Как вы оцениваете действия Президента Ельцина?" писатель ответил: "Я знаю, что истинную оценку политическим деятелям можно дать только тогда, когда обнаружатся все скрытые от глаз обстоятельства. Лишь через полвека я доберусь до истинной сути и психологии деятеля 1917 года — и написал эпопею "Красное колесо". Я думаю: пройдет время, и другой русский писатель, хорошо ознакомившись со всеми тайнами десятилетия 1985—1995 годов, напишет о нем другую эпопею — "Желтое колесо".

ОДНАКО весной 2000 года Александр Исаевич превратился в долгожданное молчание. Только в первой половине мая он дал два больших телевизионных интервью на НТВ, а затем при большом стечении публики и корреспондентов встретился с читателями и работниками Российской государственной библиотеки. И сам выступление Солженицына, и его подробные ответы на устные и письменные вопросы были очень интересными и нашли горячий отклик среди слушавших. При этом все отметили, что Солженицын впервые, за 10 лет дав свою характеристику Борису Ельцину, который уже не является Президентом России. "Мы беспечно притворяемся, — сказал Солженицын в интервью НТВ, — будто у нас в России все дела идут в общем-то нормально, терпимо. Нет! В результате ельцинской эры разгромили все основные направления нашей государственной, культурной и нравственной жизни. Ничего не осталось такого, что не было бы разгромлено или разворовано. Вот среди этих руин мы сегодня живем и ищем выхода. Мы бросили 25 миллионов наших соотечественников в страны СНГ, вернее, бросили их не мы, а Президент Ельцин, бросил как собак, без всякой защиты их прав, без всякой заботы об их нуждах, без попытки помочь им переселиться к нам. Ельцин предпочитал обниматься и целоваться с диктаторами и вручать им награды российских".

Еще более сурово отказался Солженицын о Ельцине на встрече с читателями Российской библиотеки. "Снятие с Ельцина ответственности, — сказал писатель, — я считаю позорным. И Ельцин, и еще столько-другая с ним должны отвечать перед судом!"

КСТАТИ

«У нас был живой перекрестный диалог»

Рой Медведев передал свою статью в "Российскую газету" до известной недавней встречи Президента России Владимира Путина с Александром Солженицыным в доме писателя в Троице-Лыково. Разговор этот пролил новый свет на отношение А. Солженицына к Борису Ельцину, власти как таковой. Уже после встречи с главой государства известный писатель дал интервью телепрограмме "Вести".

А. Солженицын: Президент Владимир Путин отлично понимает все неимоверные трудности — и внутренние, и внешние, которые достались ему в наследство и которые сегодня надо разгребать. Надо отметить чрезвычайную осмотристельность и взвешенность его решений и суждений. Вообще у него живой ум и быстрая сообразительность. У него никакой личной жажды власти, упоения властью, от пребывания во власти — этого совсем нет. Он действительно занят интересами дела напряженно, потому что сами задачи исключительно поразительны. Понимая летом пункт, который казался проходным: самоуправление есть фундамент нашего существования. Это не проходная фраза. Он действительно так

познает и так знает. Здесь мы сошлись невольно...

Корр.: Александр Исаевич, если ваши точки зрения даже легко спутать, значит ли это, что у вас нет не-согласия с нынешним Президентом и вы во всем понимаете друг друга? А. Солженицын: Я вам приведу пару примеров, тогда будет ясно. Вот, например, в чем мы согласны: в том, что Россия страдает от разрыва культурного пространства. Телевидение заменяет все как Господь Бог. Но оно не представляет нам замены культурного общения, а еще добавит если, то даже письмо дорогое, не то, что телефонный разговор, не то

ной. Я считаю, что Совет Федерации не следует распускать. Что, несомненно, надо делать, это Президент уже начал делать. Это — заменить выборы глав субъектов Федерации их назначением. В Конституции никакой выборности нет. Это с барского плеча Ельцин дарил выборность кому, другому, третьему. Вот тебе выборность, а ты будешь моим союзником. Это ведет к разрыву. Мы расплазаемся, мы продолжим расплазаться. Нам кажется, что Советский Союз распался, а Россия не может распастся. Еще как может, и еще как может!

Корр.: Александр Исаевич, Владимир Владимирович как-то отреагировал на эти Ваши доводы? А. Солженицын: Я повторяю, у нас был очень живой диалог. Иногда соглашался. Ряд моих предложений он, так сказать, зафиксировал, а часть его

возражений я зафиксировал, подправляя себя. Это был очень полезный диалог.

...Я страдаю от того, что наше нынешнее государство основано на воровском фундаменте и воровской идеологии. Воруется, сколько угодно! От этого начального ружья мы не можем одорваться, прежде чем не исправим начальный ружей. Мы не можем исправить сейчас свою репутацию в мировом масштабе, какие бы ни проводили международные встречи, — на нас поставлено клеймо: это государство пропитано воровством, аппарат пропитан взыщничеством, основан на грабеже. Мы никуда не можем от этого деться. От этого как-то надо избавляться. Это большая проблема, но она над нами висит. Она на самом деле пронизывает и гнетет нас.

Я считаю, что наша встреча была очень полезна и нужна. Я благодарен, что Президент нашел время приехать и побеседовать. Во всяком случае, я и сегодня еще полон этой встречи.

Публикуется по магнитописи с незначительными сокращениями. Благодарим коллег из телепрограммы "Вести" за помощь в подготовке материала.

А. Солженицын — В. Путину: "Нам кажется, что Советский Союз распался, а Россия не может распастся. Еще как может, и еще как может!"